

Содержание

Отель Henry Hudson	7
Худшие волосы рок-н-ролла	11
Берегитесь взгляда, угрожающего всему человечеству . .	16
Злые отправляются в The Doors	27
Отправьте мои данные в арестный дом.	33
Гостиная	40
Бунт во время шоу	47
Guitarras Ramírez	52
Три слова.	60
Между Кларком и Хиллдейлом	68
Неизвестные солдаты	79
В поисках просвещения: часть I	87
Ронни	96
В поисках просвещения: часть II	100
Восемь минут, сорок одна секунда	105
Боль — это то, что нужно носить, как радиоприемник .	114
Дебютный альбом	117
Я и Вилли	123
Улица любви.	125
1967	133
Накормить крыс мороженым.	145
Международное музыкальное шоу The Teenage Awards .	150
Strange Days	154
Линн	160
Достижения всей жизни.	171

Пэм	177
Слишком высокая планка	181
Неси меня, караван, забери меня	187
Праздник воскресения	191
Waiting for the Sun	197
Корабль дураков	205
Время нацелить стрелы прямиком на солнце	213
Следи за дорогой, не отпускай руль	223
Инцидент	225
Клуб 27	231
Ловить дракона	235
Уэйлон	253
The Soft Parade	261
Синяк	268
Крылья безумия	276
Судебный процесс	280
Однажды туманным утром	285
Достаточно для сценария фильма	293
Morrison Hotel	304
Синие жакаранды	312
Аморальный по природе	318
Новые создания	324
Еще один суд	331
L.A. Woman	351
Светлой памяти посвящается	361
Other Voices и Full Circle	366
Король	375
Конец	377
Лучшая лунка пар-3 в Соединенных Штатах	384
Американская молитва	391
Род занятий: музыкант, органист	396
Нирвана	403
Благодарности	410

*Книга посвящается Линн Энн Верес — моей жене,
с которой мы вместе уже полвека.
Она — единственный в мире человек,
позволяющий мне быть самим собой.
Всегда буду ее за это любить.*

ОТЕЛЬ HENRY HUDSON

«Робби! С тобой говорит Бог! Прямо сейчас мы выбросим тебя из этой Вселенной».

Разумеется, голос в телефоне принадлежал не Господу Богу. Это был Джим Моррисон. Я повесил трубку. Звонок этот состоялся в совсем небожественный час осенью 1966-го. The Doors недавно приехали в Нью-Йорк, чтобы целый месяц играть концерты на дискотеке в Ondine в качестве ее резидентов, завершить сведение дебютного альбома и снять промо-видео для первого сингла. Каждую ночь мы играли пять получасовых сетов, завершая выступления с первыми лучами восходящего солнца. Я очень ценил мгновения короткого сна.

Наш менеджер организовал нам проживание в отеле Henry Hudson в центре Манхэттена. Этажом выше обитали The Chambers Brothers, и мы нередко отрывались с ними, вернувшись с выступлений. На выходных я вместе с барабанщиком Джоном Денсмором исследовал джаз-клубы в квартале Виллидж, тогда как в дневное время клавишник Рэй Манзарек со своей подругой Доротой разгуливали по музеям. Нью-йоркская публика, до этого не слышавшая песен The Doors, довольно быстро въехала в наше творчество,

а местные группы¹ пребывали в восторге от «загадочных инопланетян из Калифорнии». У меня были короткие интрижки с некоторыми из них, в том числе с Рори Флинн — моделью ростом метр восемьдесят, которую я знал еще со времен Лос-Анджелеса, отцом ее был Эррол Флинн.

Позже я узнал, что группы из Ondine вели статистику и сравнивали участников, ставя нам оценки. После Рори мне никто особо не уделял внимания, так что я, видимо, занял невысокое место в их рейтинге.

Мы были молодой группой на пути к успеху. И постоянно находились поводы для празднования. Как обычно, Джим отмечал куда масштабнее и жестче, чем все мы. В ночь после «звонка от Бога» мы отправились на праздничный ужин в дом к нашему продюсеру Полу Ротшильду в Нью-Джерси, и Джим пребывал в настолько радушном настроении, что прямо за столом ударил жену Пола. Пол воспринял ситуацию спокойно, но, когда вез нас обратно в отель Henry Hudson, Джим хватал его за волосы, требуя повернуть, и мы чуть не попали в аварию. Всей группой мы потащили Джима обратно в его номер в отеле. Мы надеялись, что сможем уложить его в постель, после чего он расслабится и отключится. Но вместо этого он разделся догола и прыгнул в окно.

У Джима была особенная техника прыжков из окон, которую я неоднократно наблюдал раньше. В то время мы с Джоном проживали в доме в Лорел Каньоне. Однажды ночью Джим зашел к нам, когда у нас гостило несколько девочек. Он решил их напугать, с разбега бросившись с нашего балкона. Его прыжок

¹ Группы — поклонница поп- или рок-группы, сопровождающая своих кумиров во время гастролей. (Здесь и далее — примечания редактора, если не указано иное.)

обычно включал хорошо просчитанный кувырок, позволявший Джиму своевременно схватиться за уступ, на котором он некоторое время болтался, привлекая внимание. Затем он подтягивался, успокаивая таким образом толпу и заставляя биться женские сердца чаще.

Но у нашего дома на Лорел Каньон было всего два этажа. На этот же раз Джим болтался на высоте двенадцати этажей над суровым бетоном и гудящим движением на Пятьдесят восьмой улице. Судя по беспричинной наготе, он был даже пьянее, чем обычно, поэтому я особенно верил в крепость его хватки.

Мы помчались через комнату, чтобы вытащить его обратно. Если бы нас там не было, он, вероятно, не смог бы спастись. В то же время, не оказись мы там, он бы скорее всего не прыгнул, стремясь получить порцию моментального ажиотажа. Как только мы вытащили его, Джим повалил меня на кровать. Пока Джон и Рэй охраняли окно, Джим прижимал меня, в шутку изображая непристойные движения. Типичные 60-е, но для меня, конечно, это перебор. Я толкнул его с кровати, после чего он катался по полу от смеха.

Оглядываясь назад, я думаю, что Джим на подсознательном уровне понимал: Джон или Рэй никогда бы не смирились с его импровизированным актом греко-римского соблазнения. Джим всегда понимал границы дозволенного и даже в состоянии сильного опьянения все еще инстинктивно нащупывал предел своих выходов. В ту ночь он увидел во мне участника группы с лучшим чувством юмора. И я стал для него той самой границей дозволенного.

Сейчас это кажется смешным, но тогда мне было совсем не до смеха. Мне было 20 лет, я был самым молодым участником коллектива, у меня не было никакого влияния на этих парней, и я совершенно не понимал, как справиться с этим безумным хаосом. Я постоянно балансировал между стату-

сом рок-звезды и парня, отковыривающего мозги нашего вокалиста от тротуара.

Мы пробыли в комнате Джима еще час или около того, пока он не успокоился и отрубился. На следующий день он поприветствовал меня как ни в чем не бывало. Джим редко вспоминал о своих пьяных выкидонах, возлагая на нас ответственность разгрести последствия. Я рассказал ему о том, что он натворил накануне, и сложилось впечатление, будто он слушал историю о ком-то другом. Его ответ, как обычно, прозвучал в духе «Вау, это ужасно» или «Ой, прости, я не ведал, что творил».

Его извинения были простыми, но будто гипнотизировали. Я до сих пор не понимаю, как он смог убедить нас простить его за половину учиненных им выходок. На трезвого Джима было трудно обижаться.

Прыжки из окон, борьба на гостиничной кровати в голом виде, все это — после позора перед нашим продюсером и звонка-розыгрыша, разбудившего меня посреди ночи, — зачем я все это терпел? Как простое извинение может это компенсировать? Зачем я вообще имел дело с группой, одна из ключевых фигур которой буквально создана крушить все вокруг себя?

Все, что я знал, — это то, что никогда не смогу уйти. Мы все еще играли в маленьких клубах, и большая часть планеты не знала о нашем существовании, но я уже видел будущее. Я знал, что Джим, как никто другой, может стать великой рок-звездой и что у The Doors есть потенциал стать главной группой Америки. Независимо от того, что могло случиться по пути, я участвовал в этом.

Через два месяца у нас вышел дебютный альбом, доказавший, что мои прогнозы были верными, и навсегда изменивший наши жизненные пути. Но все последующие годы я всегда вспоминал урок, который усвоил в отеле Henry Hudson: может, Джим Моррисон и не Господь Бог, но выбросить меня из этой Вселенной он может.

ХУДШИЕ ВОЛОСЫ РОК-Н-РОЛЛА

Один критик как-то сказал, что у меня «худшие волосы рок-н-ролла». Было весьма обидно, но не могу сказать, что он ошибался. Я всегда боролся с вьющимся безумным «еврейским афро», и однажды мы с моим другом Биллом Вольфом попробовали Ultra Sheen — выпрямитель волос, продававшийся в основном для афроамериканцев. Результат впечатлил. Вольф, как я помню, сказал: «Ты становишься похож на этого придурка Брайана Маклина» — самые близкие к комплименту слова, что он когда-либо говорил в мой адрес. Маклин был гитаристом Love, и его блестящая грива напоминала мне прическу гитариста The Rolling Stones Брайана Джонса. Уж не знаю, выглядел ли я так же хорошо, как Маклин или Джонс, но это значительно лучше стандартного птичьего гнезда на моей голове.

Наш эксперимент с выпрямителем продолжался около недели до нашего с Вольфом прослушивания в The Doors. Вольф пробовался за несколько дней до меня, и, к моему удивлению, его не выбрали. Он был куда более опытным и техничным игроком, чем я. Мы вместе брали уроки гитары фламенко, у нас был свой джаг-бэнд¹, мы играли в составе фолк-трио, джемовали

¹ Джаг (англ. *jug* — «сосуд») — примитивный архаический музыкальный инструмент западноафриканского происхождения. Сосуд с узким горлышком, используемый в фольклорных ансамблях в ритмической функции или как резонатор для усиления звучания голоса.

в составе эйсид-рок группы с участием барабанщика The Doors Джона Денсмора. Вольф был первым выбором The Doors. Я — вторым. Но мои волосы выглядели лучше, а мой слайдер для гитары сыграл решающую роль.

В современном музыкальном магазине вы сможете купить профессиональный слайдер из хромированной стали, глазурированной керамики, легкого титана, боросиликатного стекла или даже высокотехнологичного углеродного волокна. Когда же мы с Вольфом учились играть на гитаре, мы просто разбивали бутылку и использовали ее горлышко. Больше всего мне нравились дешевые бутылки от калифорнийского шампанского, поскольку у них была идеальная форма, а стекло слегка толще, чем у других винных бутылок.

Иногда нам требовались усилия, чтобы заклеить скотчем или оплавить острые края, но обычно я оставлял все как есть. Я думал тогда, что, если попаду в драку в баре, эта штукovina пригодится.

Мы с Вольфом любили слушать записи Блайнд Вилли Джонсона, Блайнд Лемон Джефферсона, Блайнд Вилли Мактелла, The Five Blind Boys of Alabama... Их отсутствие зрения компенсировалось обостренным чутьем к игре на слайд-гитаре. У нас не было учителя, который бы рассказал нам о технике игры со слайдером, поэтому мы прикладывали усилия, чтобы разобраться во всем самостоятельно. Изначально я был пуристом и играл исключительно в акустику, но незадолго до прослушивания у The Doors был покорен звучанием электрогитары со слайдером.

Итак, однажды осенью 1965 года я приехал со своей электрогитарой, усилителем и острым слайдером из горлышка калифорнийского шампанского на парковку за офисным зданием в Санта-Монике. За парковкой был переулок с небольшим ветхим домом. В доме жил парень по имени Хэнк, который лю-

безно позволил The Doors использовать свое пианино Yamaha и репетировать в его тесной гостиной. Соседей у него не было, а следовательно, и жалоб на шум.

До этого я уже виделся со всеми участниками группы, так что не было нужды представляться друг другу. Кроме того, ранее Джон дал мне копию их демозаписи с шестью песнями, так что я пришел подготовленным.

Самая первая песня, которую мы сыграли вместе, была моей любимой из этих шести треков — «Moonlight Drive». Демо-версия куда более динамичная и блюзовая, чем вариант, позже записанный нами вместе, и Джим трепетно пел в высоком регистре — нынешние фанаты The Doors вряд ли бы узнали его. Партия гитары предсказуемо попадала в такт с пианино. Я играл правильно. Затем я спросил, могу ли попробовать кое-что. Я достал слайдер, мы сыграли еще раз песню, и я исполнил мощный слайд-рифф. Благодаря моей технике фламенко-перебора и игре со слайдером я был в более выигрышном положении, чем другие кандидаты. Джим пришел в восторг от звучания слайдера и заявил, что The Doors должны использовать его во всех песнях. Вот почему я получил место в группе вместо Вольфа. Потребовалась всего одна песня, чтобы понять — все работает правильно. Выпрямитель для волос закончился через месяц, и вскоре моя шикарная гладкая шевелюра превратилась в потертую щетку для мытья посуды. Но благодаря тому, что я смог доказать свою незаменимость в группе, The Doors не могли от меня избавиться, равно как я не мог — от худших волос в рок-н-ролле.

Однажды мы еще раз репетировали с The Doors в доме Хэнка, и во время репетиции пришел один из друзей Джима. Джим затащил его в дальнюю комнату, захлопнул дверь и заорал во всю глотку. Из-за стены доносились их приглушенные крики, и я понял, в чем дело: этот парень как-то накосячил с достав-

кой наркотиков для Джима. Уж не знаю, что это за наркотики, было ли их слишком мало или возникла денежная проблема, но звучало все это так, будто за стеной кого-то убивают. Мы с Рэем и Джоном обменялись неловкими взглядами и несколькими комментариями, но предпочли сделать вид, что ничего не происходит. Впервые мы коллективно спрятали головы в песок в момент бешеного поведения Джима Моррисона, и впервые я столкнулся с пугающей темной стороной Джима. Но в тот момент я не воспринял это как тревожный сигнал — был уверен, что Джим имеет полное право орать на этого парня. В то же время до этого эпизода он был очень сдержанным, так что вспышка гнева меня, мягко говоря, поразила.

Пока мы репетировали остальные песни, пытаюсь заглушить шум, я стоял, нервничал и думал про себя: «И этот парень — наш вокалист?»

В конце концов, Джим и его друг вернулись. Никто ничего не объяснял. Джим был явно не в духе. Репетиция закончилась.

БЕРЕГИТЕСЬ ВЗГЛЯДА, УГРОЖАЮЩЕГО ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Интересно, ассоциировался ли я когда-либо со всеми этими знаменитыми слепыми блюзовыми исполнителями, ведь Вселенная никогда не была добра к моим глазам. Если вы посмотрите старые промо-фотографии The Doors, я часто щурюсь из-за чувствительности к всяким вспышкам, лампам и световым эффектам. И по сей день мне приходится заставлять себя не щуриться на фотографиях. В 90-х я дважды перенес лазерную коррекцию зрения, но оно снова упало. Затем у меня развилась катаракта, и мне пришлось перенести операцию на глазах. После пришлось сделать радиальную кератотомию на левом глазу — врачи разрезали мою роговицу, чтобы исправить дальнозоркость после операции по удалению катаракты. При этом радужная оболочка в моем правом глазу не закрывается как следует — в свое время мне в глаз попал теннисный мяч (по иронии судьбы в глаз мячом мне случайно зарядил окулист).

Проводя свои детские и юношеские годы в солнечной Южной Калифорнии, я всегда был спортивным и уверенным в себе парнем. Мы с моим братом-близнецом Ронни здорово преуспели в гольфе в раннем возрасте, оба участвовали в школьной команде по гимнастике, всегда были первыми кандидатами на